

20. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М., 1978. – Т. 1-4. – Вип. 7. – С. 105-112.
21. Енциклопедія українознавства : в 8 т. / гол. ред. В. Кубійович. – Львів : Молоде Життя, 1976. – 2881 с.

Бойко М. Ю. Л. О. Ставицкая об истории исследования аргю, жаргона и сленга.

В статье, на основе исследований Л. Ставицкой, сделан лингвоисториографический обзор работ по социальной диалектологии, проанализирована хронология исследований, посвященных аргю, жаргону и сленгу, раскрыты перспективы дальнейших поисков в этом направлении.

Ключевые слова: социальная диалектология, аргю, жаргон, сленг, лингвоисториографический обзор.

Boiko M. Yu. L. Stavitskaya about stories of research of argo, jargon and slang.

On the basis of L. Stavitskaya's researches the linguahistoricalgraphic review of the works on social dialectology is carried out, the chronology of the researches devoted to argo, jargon and slang is analysed, prospects of further searches in this direction are opened.

Keywords: social dialectology, argo, jargon and slang, linguahistoricalgraphic review.

Герасименко И. А.

Горловский институт иностранных языков

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ 'КРАСНЫЙ' (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ И ПАРЕМИОЛОГИИ)

Данная статья посвящена исследованию семиотики красного цвета в русской фразеологии и паремиологии. В работе речь идёт о том, что носители русской лингвокультуры используют цветообозначение 'красный' в составе фразем и паремий не только для актуализации цвета, но и для раскрытия этнокультурной информации, которая закодирована в её семантике.

Ключевые слова: цветообозначение, фразеология, паремиология, лингвокультурный, семантика.

Цветообозначения (далее – ЦО) являются традиционным объектом внимания лингвистов. Этот пласт лексики изучается с точки зрения его употребления в разные периоды развития языка (Н. Б. Бахилина, М. А. Суровцова, С. В. Кезина и др.), с позиции его использования во фразеологических и паремиологических сочетаниях (С. И. Григорук, Ю. Г. Завалишина, Л. А. Шестак и др.), со стороны функционирования в текстах разных жанровых систем (М. О. Новикова, В. Б. Колосова, Т. М. Тяпкина и др.). Есть исследования, посвященные отдельным названиям цвета. К их числу относятся и работы о лексеме *красный* (Е. Крыжановская, Л. А. Лебедева, Н. В. Усанкова, Л. Г. Савченко, Н. И. Андреева-Васина, Е. М. Иссерлин, А. А. Брагина и др.). Регулярное обращение к данному ЦО

объясняется, на наш взгляд, недостаточной разработанностью красного цвета как предмета языкового выражения. В большинстве случаев работы по семантике адъектива *красный* сводятся к констатации его значений и спорадически опираются на сведения лингвокультурной традиции. Поэтому цель данной статьи – осветить лингвокультурные семантические свойства лексемы *красный*, имея в виду то, что ЦО как компоненты фразем и паремий обладают образным смысловым наполнением и наделяются фразеологически связанным значением. При этом тот или иной компонент фраземы или паремии реализует определённую семантику не только за счёт синтагматических (линейных) связей этого слова с другими лексическими единицами, но и благодаря собственным семиологическим (знаковым) ресурсам, прямо-номинативным свойствам. Материалом исследования послужили факты словарной фразеологии и паремиологии, представляющие собой устойчивые изречения с компонентом *красный*, взятые из фразеологических словарей русского языка [12; 23; 24], а также одного из лучших в славянской фразеографии сборника “Пословицы русского народа” В. И. Даля, представленного изданиями [4; 15; 16]. Частично используются и другие источники [19].

Лексема *красный* интерпретируется традиционной лингвистикой как общеславянское слово с исконными значениями ‘красивый’, ‘прекрасный’ [22, с. 368; 25, с. 440]. При этом *красный* понимается исключительно как светлый цвет, чьи обозначения характеризуются положительными коннотациями. “*Красный, красивый* тоже сродни с солнечным светом”, – пишет А. А. Потебня [15, с. 306]. “В русских памятниках слово [*красный*. – И. Г.] известно с древнейших времен, широко употребительно и используется для характеристики очень многих и очень разных положительных качеств”, – замечает Н. Б. Бахилина [2, с. 162]. Действительно, прилагательное *красный* этимологически связано со словом *красивый*. Ср.: ст.-слав. *красьный* ‘прекрасный’, укр. *красний* ‘красивый’, блр. *красный* ‘то же’, болг. *красен* ‘то же’, с.-хорв. *красан, красна* ‘красивый’, ‘великолепный’, словен. *kráson* ‘прекрасный’, чешск. *krásný* ‘то же’, слвц. *krasny* ‘то же’, польск. *krasny* ‘прекрасный’, ‘пригожий’, в.-луж. *krasny* ‘прекрасный’, н.-луж. *křasny* ‘великолепный’, *krosan* ‘прекрасный’, макед. *красен* ‘красивый’, ‘чудный’, словен. *krasen* ‘великолепный’, ‘пышный’ [22, с. 368; 25, с. 440]. Более того, ввиду использования “смычных в технической функции” [9, с. 19] исторически слово *красный* коррелировало с лексемой *ясный*. Однако в русской лингвокультуре элемент *крас-*, который является ядром не только слова *красный*, но и многих других (*красить, окрас* и т. п.), актуализирует не только конкретный красный цвет, но и цвет вообще [14, с. 12]. Ср.: *Свинка золота щетинка, льняной хвост, по белу свету скачет, весь свет красит* [16 (2), с. 468]; *Быть бы худу, да подкрасила*

встреча [16 (1), с. 127]. В этом случае лексемы с основой *крас-* уже не передают значения ‘красивый’, ‘прекрасный’, их семантика (в том числе и иносказательная) связана с цветностью вообще.

В этой связи уместно вспомнить, что в родственном украинском языке значение красного цвета вербализует лексема *червоний*, которая этимологически связана с укр. *чорний*. Эти слова, описывая разные (красный, чёрный) цвета, восходят к одному этимону; “явное звуковое сходство названий этих двух цветов, – пишет в этой связи В. И. Шерцль, – свидетельствует о происхождении их от одного общего коренного комплекса” [27, с. 36]. Объяснение подобного факта учёный видит в том (и это важно для нас), что изначально эти слова обозначали тёмный цвет. “Ввиду примитивной хроматической терминологии, заключающей в себе только белый, красный и чёрный цвет, мы предполагаем в таких языках, которые обозначают красный и чёрный цвет посредством весьма сходных в фонетическом отношении слов, первоначальное деление цветов только на два разряда, на светлые и несветлые, тёмные, причём последняя группа только впоследствии, путём дальнейшего дифференцирования, разделилась, в свою очередь, на чёрный и красный цвет” [27, с. 36-37]. Показательно, что эта черта является типологически отмеченной. Так, (по данным В. И. Шерцля) в ашант. *biri* значит ‘быть чёрным’, ‘чернеть’, а *bere* ‘быть красным’, ‘краснеть’; в емесск. *hoŝu* ‘чёрный’, *hoŝulo* ‘красный’; какчи: *kak* ‘красный’ – *kek, kuek* ‘чёрный’; навахо: *tchlišin* ‘чёрный’ – *tchliči* ‘красный’; пиапоко: *kuriri* ‘чёрный’ – *kuréri* ‘красный’; гуахибо: *sebia* ‘чёрный’ – *sobia* ‘красный’; бореа: *surko* ‘чёрный’ – *šolko* ‘красный’ [27, с. 37].

Более того, укр. ЦО *червоний* исторически связано с укр. *червіньковий*, русск. *червонный, черемной*, болг. *чръвен* ‘красный’, с.-хорв. *црвен* ‘то же’, польск. *czerwonу* ‘то же’ [25, с. 440]. Данные лексемы с компонентами *черв-*, *червон-*, *черемн-*, реализуют значение ‘красный’, этимологически пересекаются со словом *червь*. При переходе м → в, “как это нередко случается с губными и плавными” [18, с. 24], корень *черв-*, по-видимому, родственен с “русск. *чермный* и укр. *чемний* ([= ‘тихий’] и ‘тёмный’)” [10, с. 171]. К сожалению, эти данные не учитываются, так как в лингвистике утвердилось мнение, что свою номинацию слова *червонный, черемной* приобрели от корня со значением ‘червь’ “по красителю, добывавшемуся из известного вида червей” [26, с. 12]. “На Руси для получения различных оттенков красного цвета существовал свой особый краситель, добываемый из червей особого вида” [НЦИЯ 2007, с. 21] (см. об этом также: [2, с. 135; 6, с. 226] и др.). Однако нельзя оставлять без внимания и другую точку зрения, согласно которой указанные слова служили для обозначения густо-красного цвета, который “был, вероятно, более интенсивным и более ярким (или более тёмным)” [13, с. 17]. Вероятно потому в современном языке семантическая

структура прилагательных с элементами *червон-*, *черемн-* включает, помимо буквального (спектрального) значения, дополнительные негативные коннотации, реализованные во фраземах и поговорках; ср.: **Червонный валет** 'плут' [24, с. 55]; **Чёрному, черемному, завидливому, уродливому, прикошливому – соли в глаза** [16 (2), с. 177] и др. Считается, что наличие таких смыслов может быть вызвано этимологией данных лексем, а также отрицательным восприятием в русской культуре красного цвета при характеристике неестественно яркой внешности и, возможно, нетрезвого человека. Здесь лексемы *червонный*, *черемной* имеют значение 'густо-красный', дополненное отрицательными созначениями 'плохой', 'чужой'.

В свою очередь, адъектив *красный* как компонент фразем и поговорок тоже имеет неоднозначную семантику. Данное слово используется и для обозначения одного из цветов спектра (*красный* – значит 'красный'), и для вербализации значений 'красивый', 'праздничный', 'почётный', 'хороший'. Ср.: **Коли барский дурак, так и красный колпак** [15, с. 521]; **Кому красное словцо, кому присказку** [16 (2), с. 631]; **Кто красен дочерьми да сынами в почёте, тот в благодати** [16 (2), с. 136]; **Птица крыльями сильна, жена мужем красна** [16 (2), с. 106]; **Красна пава пером, а жена – нравом** [19, с. 143]; **Первая жена – как утренняя заря, а вторая жена – как красное солнышко** [19, с. 251]; **Хлеба-соли покушать, красному звону матушки Москвы послушать** [16 (2), с. 22]; **Добры молодцы не женятся, красны девицы замуж не йдут** [16 (1), с. 115]; **Красна река берегами, а обед – тирогами** [19, с. 143].

Данное слово в составе фразем и поговорок является также выразителем утилитарной (рациональной) оценки (об этом см. работы С. И. Григорука, О. А. Мещеряковой, Т. М. Тяпкиной и др.). Древние славяне, ввиду изначального отсутствия в их культуре общеморальных понятий Добра и Зла и в связи с интересом к быту, оценивали реалии с точки зрения их "пригодности, практической полезности" [3, с. 143]. Соответственно, при осмыслении "утилитарных" и "рациональных" понятий пользы и вреда красный цвет выступал знаком позитивной оценки, а его речевой актуализатор – слово *красный* – являлся адъективом со значениями 'полезный', 'пригодный', 'ценный'. Ср.: **Где сосна выросла, там она и красна** [19, с. 61] (ср. синонимичное: **Где кто родился, там и пригодился** [4 (4), с. 9]); **На красный цветок и пчела летит** [16 (1), с. 336] (ср.: **На хороший цветок и пчёлка летит**, где *хороший* – 'полезный'); **Не красна книга письмом, красна умом** [16 (2), с. 214]; **Красна ложечка с похлёбочкой (а не сухая) дубровушке** [15, с. 530]; **Речь красна слушанием** [19, с. 272]; **Дело толком красно** [16 (2), с. 214]. Здесь ЦО *красный* и близкие ему соответствия, заключая в себе модус рациональной оценки, связаны со смыслами 'полезный', 'пригодный', 'ценный'. Безусловно, семантическая

связь лексемы *красный* с лингвокультурными смыслами ‘полезный’, ‘пригодный’, ‘ценный’ “лежит” не на поверхности слова, она, как и любая оценочность, “проявляется в устойчивых сочетаниях” [6, с. 219], вытекает из контекста.

Показательно, что ЦО *красный* реализует смыслы ‘полезный’, ‘пригодный’, ‘ценный’ не только во фразеологии и паремиологии. Указанные созначения заложены и в названиях лекарственных растений. Так, в основе наименования *красная акация* [1, с. 119] лежит не цветовой признак, а полезные качества этого растения, так как красная акация, имея лимонно-жёлтые цветы и серебристого цвета бобы, используется в народной медицине в качестве жаропонижающего средства. В свою очередь сочетание *красная девятихвостка* [7, с. 257] обозначает тысячелистник с белыми и жёлтыми цветами, название которому также дано только по его полезным (“красным”) свойствам. Подобный утилитарный смысл лексемы *красный* отображён и в названии ценных пород рыб (*красная рыба*), деревьев (*красный лес*), в сочетаниях *красное масло*, *красный мёд*, *красная крупа*, *красный зверь* (например: *Бей сороку и ворону, добьёшься и до красного зверя* [16 (1), с. 219]), на что обращают внимание некоторые авторы (см. [1, с. 118, 119; 2, с. 163, 165, 166]).

Не только планом содержания, но и планом выражения слово *красный* связано с лингвокультурным смыслом ‘хороший’, коррелирующим с ‘полезный’, ‘пригодный’, ‘ценный’. Ср. альтернаты *красн // крас, крас // краш = хрьсь = хорош*. В этом ряду стоят и *краш(е) / крас → хрьсь → хорош → грош*, где, соответственно, прослеживается связь лексемы *красный* с адъективом *хороший*. “Старославянскому *красный* в русском языке соответствует фонетический вариант *хороший*”, – указывает в этой связи С. В. Кезина [5, с. 19]). Вполне возможно, что смысл ‘красивый’ в адъективе *красный* мог первоначально определяться смыслом ‘полезный’ (‘полезный’ – потому и ‘красивый’), что из глубинного ‘полезный’ мог развиваться и смысл ‘красивый’. Такое понимание адъектива *красный* как ‘красивый’, ввиду вербализации пригодности и рациональной пользы, зафиксировано в целом ряде фразем и паремий. Ср.: *красные дни* [24, с. 189]; *Красна дорога ездоками, а обед пирогами* [16 (1), с. 534]; *Ешь, конь, сено, поминай красное лето!* [16 (1), с. 574]; *Пшеницу сей, когда весна стоит красными днями* [15, с. 624]; *Красна птица пением, а человек – умением* [19, с. 143]. Сомнительно в данных примерах прилагательное *красный* интерпретировать как ‘светлый’, ‘ясный’, на чём настаивает, например, Т. А. Комова (“В значении ‘светлый’, ‘ясный’ используется словосочетание *лето красное*”, – полагает автор [8, с. 77]). Скорее всего в этих и подобных фраземах реализованы смыслы ‘красивый’, ‘полезный’. Их синкретизм может объясняться тем, что формирование смыслов у ЦО сопряжено с динамикой развития мышления от

первичного мифического (образного, “пра-логического” по Леви-Брюлю) к производному понятийному (логическому), с первичной “нерасчленённостью мышления” [5, с. 35] и с развитием номинации в направлении от целого (охватывающего всё окружающее) к частному (В. В. Колесов, Н. А. Луценко, С. В. Кезина, Н. Я. Марр), от “множественности к единству, от чужого или дальнего к себе” [11, с. 329]. Мифическая форма мышления отличается от последующих форм тем, что в ней ещё не произошло отделение образа от самой вещи, объективного от субъективного, внутреннего от внешнего. Как считает Э. Кассирер, вещи и явления природы в мифическом мышлении представляются символами, за которыми скрываются действия, умысел и воля сверхъестественных сил. Если следовать этой логике, то наличие профанных, сакральных, инфернальных и др. смыслов в структуре значения наиболее древних ЦО (в том числе и слова *красный*), синкретизм их семантики связаны с первичной мифической (образной) ментальностью русского народа. Напротив, собственно цветовые значения обусловлены производной понятийной формой мышления русского народа. Вероятно, отсюда и разноплановость семантики ЦО *красный*, его многозначность. Поэтому трудно согласиться с некоторыми авторами, которые считают, что слово *красный* группировалось “вокруг одного смыслового центра – обозначение различных положительных качеств” [1, с. 116], имело “положительную оценку” [5, с. 219].

Лингвокультурная семантика ‘полезный’ зафиксирована и в синтагме *красное солнышко* как компоненте фразем и паремий *Все мы растём под красным солнышком, на Божьей росе* [16 (1), с. 543]; *На закате красна солнышка, на восходе светла месяца* [15, с. 624]. И хотя ЦО *красный* в составе этих выражений интерпретируется рядом лингвистов как ‘светлый’, ‘красивый’, ‘яркий’, ‘ясный’ (“Красно солнце прежде всего светлое, потом прекрасное” [17, с. 306–307]; “‘Красное солнышко’ – то есть яркое, ясное” [13, с. 149]), мы склонны глубинную семантику данного наименования связывать с пониманием нужности светила, его пользы (красное – потому что светит и греет; ср. семантическую тождественность понятий “светить” и “греть”, “гореть”). Поэтому смыслы ‘красивый’, ‘яркий’, ‘ясный’ в слове *красный* могли развиваться из глубинного ‘полезный’.

Прилагательное *красный* как компонент этих и подобных выражений наделено исключительно положительными значениями. Однако данная лексема может передавать и отрицательные коннотации. Ср. фраземы и паремии, в которых значение слов с основой *красн-* как ‘красивый’ осложнено добавочными лингвокультурными смыслами ‘бесполезный’, ‘плохой’, ‘непригодный’: *Красна весна, да голодна* [15, с. 628]; *Красен посул, да голоден* [19, с. 143]; *Для красного словца не пощадит ни матери, ни отца* [16 (2), с. 197]; *Болтовня и красна, и нестра, да пуста* [19, с. 25];

Дворянская служба – красная нужда [15, с. 517]; *Красному утру не верь! Хвались вечером, днём не сеченный* [16 (2), с. 375]; *Вот тебе грош за красную ложь* [16 (1), с. 390]. Здесь в лексемах с основой *красн-* смысл ‘красивый’ со смыслом ‘полезный’ во взаимооднозначном соответствии не находится, слово *красный* и близкие ему соответствия понимаются как ‘красивый’, но ‘бесполезный’, ‘плохой’, ‘непригодный’. Следовательно, в семантике ЦО *красный* как ‘красивый’ сохранились амбивалентные лингвокультурные семы ‘полезный’ и ‘бесполезный’. В этой связи сравните близкую семантику родственного с лексемой *красный* адъектива *красивый*: *На красивого глядеть хорошо, с умным жить легко* [4 (2), с. 186]; *Красивый на грех, а дурной на смех* [4 (2), с. 186]; *Красив ситец, да линюч* [19, с. 143]; *Не родись красивой, а родись счастливой* [4 (2), с. 186]. Как видим, в данных фраземах и поговорках зафиксировано осмысление историко-культурной языковой традицией славян прилагательных *красный, красивый* как ‘красивый, но бесполезный’.

В русской фразеологии и паремиологии лексема *красный* наделена и семантикой ‘красивый’ с дополнительными положительными коннотациями. Ср.: *красный двор* [24, с. 164]; *красный угол* [12, с. 469]; *Смиренная, как агнец, делова, что пчела; красна, что райская птица; верна, что горлица* [15, с. 549]; *Красны боярские палаты, а у мужиков избы на боку* [15, с. 518]; *Красна пава пером, а жена нравом* [16 (2), с. 107]; *Не видал ты меня в красный день да при лучине* [19, с. 209]; *Не годами старость красна – делами* [19, с. 213]; *Без обеда не красна беседа* [19, с. 18]; *Не красна челобитная складом, складна указом* [15, с. 506]; *Красен человек статью* [16 (1), с. 610]. В этих примерах адъектив *красный* и близкие ему соответствия, выступая эталоном позитивной оценки, передают смысл ‘красивый’ и, как следствие, положительные лингвокультурные созначения ‘праздничный’, ‘хороший’, ‘прекрасный’, ‘лучший’.

С развитием языка (как считают лингвисты, примерно с XV–XVI вв.; см., например: [25, с. 440]) лексема *красный* получила собственно “цветовое” значение. Этот процесс затронул как древнерусский, так и другие славянские языки (см., например, др.-русск. *красьныи* ‘красный’, ‘бурый’, ‘рыжий’, ‘карий’, ‘коричневый с красноватым отливом’, ст.-польск. *krasny* ‘красный’, польск. *krasy* ‘пёстрый’, ‘разноцветный’ [2, с. 162; 5, с. 17; 21, с. 97; 25, с. 440]). Адъектив *красный* стал пониматься как слово, передающее цветовой признак (*красный* – “имеющий окраску одного из основных цветов спектра, идущего перед оранжевым” [20, с. 122]). Эта семантика реализована во фраземах и поговорках *Рад, как дурак красной шапке* [16 (2), с. 263]; *Солдат Яшка, красная рубашка, синие ластовицы* [16 (1), с. 315]; *красная бумажка* [24, с. 51]; *Земляника красна – не сей овса напрасно* [15, с. 624]; *Красенький кочеток по жерди ходит* [16 (2), с. 599]. В указанных случаях

прилагательное *красный* и близкие ему соответствия используются как слова, актуализирующие один из цветов спектра. Между тем лексема *красный* в составе фразем и паремий передаёт семантику красного цвета довольно редко. Так, данное значение в указанном адъективе встретилось нам только в 43 случаях из 387, что составляет 11,1 %. Почти все остальные примеры приходятся на использование слова *красный* как 'полезный', 'ценный', 'красивый', 'хороший', 'прекрасный', 'лучший', 'бесполезный', 'плохой', 'непригодный'. Эти факты могут свидетельствовать о том, что для указанного ЦО как компонента ФЕ "цветовая" семантика не является основной. Следовательно, если учесть, что во фразеологии и паремиологии зафиксированы наиболее архаичные смыслы единиц языка, то значение 'красный' в слове *красный* является более поздним по отношению к смыслам, группирующимся вокруг общих 'полезный' и 'красивый'.

Анализ семантики фразем и паремий показывает, что в русской национальной лингвокультуре "цветовое" значение адъектива *красный* было дополнено отрицательными оценочными коннотациями. Так, при описании внешности человека данное слово может иметь отчётливо негативный смысл (ср.: *Вавила красное рыло* [16 (1), с. 612]; *Рыжий да красный – человек опасный* [16 (1), с. 612]). Это объясняется национально-культурным восприятием красного лица (*красное рыло* = 'сытое'; ср. использование родственного *краснеть*: *С калача лицо белеет, а с сыта краснеет* [15, с. 584]), цвета волос (*красные* = *рыжие*) у "слишком яркого, неестественного, выделяющего" [3, с. 141] из общей массы человека (ср. взятый у С. И. Григорук укр. пример *Сліпий, кривий, рудий та красний самий опасний* [3, с. 141]). Как видим, во фраземах и паремиях зафиксирована историко-культурная языковая традиция использовать ЦО *красный* для вербализации негативной оценки неестественно яркой внешности человека. Эти факты в очередной раз свидетельствуют о том, что лексема *красный* наделена неоднозначной оценочностью, вызванной экстралингвистическими факторами, что на цветообраз наслаиваются традиции, обычаи и стереотипы нации, которые связаны с историческим и культурным опытом народа.

Итак, адъектив *красный* в составе фразем и паремий обладает разветвлённой семантикой. Данное ЦО в составе устойчивых сочетаний наделено спектральным значением и оценочными лингвокультурными смыслами, несёт, помимо значения 'красный', созначения 'полезный', 'ценный', 'хороший', 'прекрасный', 'лучший', 'красивый', 'бесполезный', 'плохой', 'непригодный'. Собственно "цветовая" семантика слова (*красный* – значит 'красный') соотносится с положительными и отрицательными коннотациями, следовательно, является частным составляющим смыслового наполнения этого семантически амбивалентного полисеманта в составе фразем и паремий.

Представленные здесь факты целесообразно исследовать не только на материале русской фразеологии и паремиологии, но и разножанровых текстов. Это позволит более полно осветить структуру значения данного адъектива, проследить его лингвокультурные смыслы и связи с прототипами, что и будет предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

Л и т е р а т у р а :

1. *Андреева-Васина Н. И.* Прилагательное красный в русских народных говорах (материалы и характеристики функционирования слова) / Н. И. Андреева-Васина; АН СССР; Ин-т русского языка // Диалектная лексика. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 115-120.
2. *Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке / Н. Б. Бахилина. – М.: Наука, 1975. – 288 с.
3. *Григорук С. И.* Концепт цвета в русской и украинской народной паремиологии (аксиологический аспект) / С. И. Григорук; [редкол.: В. М. Мокиенко, Х. Вальтер, К. Иван и др.] // Слово. Фраза. Текст: сб. науч. ст. к 60-летию проф. М. А. Алексеенко. – М.: Азбуковник, 2002. – С. 137-144.
4. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / В. Даль. – М.: Рус. яз., 1981. – Т. 2. – 1981. – 779 с.; Т. 4. – 1982. – 683 с.
5. *Кезина С. В.* История цветообозначений в русском языке: учеб.-метод. пособие к спецкурсу / С. В. Кезина. – Пенза: Изд-во ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2000. – 50 с.
6. *Кезина С. В.* Причины развития оценочности в русских цветообозначениях / С. В. Кезина // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры: материалы регион. науч. конф. – Чебоксары: Изд-во ЧГУ им. И. Н. Ульянова, 2000. – С. 219-229.
7. *Колосова В. Б.* Цвет как признак, формирующий символический образ растений / В. Б. Колосова; отв. ред. С. М. Толстая // Признаковое пространство культуры. – М.: Индрик, 2002. – С. 254-266.
8. *Комова Т. А.* Цветообозначения как объект категоризации (на материале русского и английского языков) / Т. А. Комова; отв. ред. Л. А. Манерко // Когнитивные аспекты языковой категоризации: сб. науч. тр. – Рязань: Изд-во РГПУ им. С. А. Есенина, 2000. – С. 76-82.
9. *Луценко Н. А.* Истории наших слов: диахронно-лексикологические этюды / Н. А. Луценко. – Донецк: Изд-во “Вебер” (Донецкое отделение), 2009. – 370 с.
10. *Луценко Н. А.* Предикативная природа слова // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць. – Вип. 11. У 2 ч. / Н. А. Луценко; [укл.: А. Загнітко (наук. ред.) та ін.]. – Ч. I. – Донецьк: ДонНУ, 2003. – С. 166-177.
11. *Марр Н. Я.* Яфетидология / Н. Я. Марр; послесловие В. М. Алпатова. – Жуковский; М.: Кучково поле, 2002. – 480 с.
12. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Своё и чужое: опыт русской фразеологии: в 2-х т. / М. И. Михельсон. – СПб.: Типография Академии Наук, 1903. – Т. 1. – 1903. – 779 с.
13. Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – 320 с.

14. *Пименова М. Вас.* Семантика цветообозначений по памятникам древнерусской литературы (на материале травников, лечебников, иконописных подлинников) : автореф. дис. на соискание учён. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 "Русский язык" / М. Вас. Пименова. – Ленинград, 1987. – 14 с.
15. Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В. И. Даля / под общ. ред. Б. П. Кирдана ; вступ. ст. М. А. Шолохова ; послесл. В. П. Аникина. – М. : Правда, 1987. – 656 с.
16. Пословицы русского народа : Сборник В. Даля : в 3 т. – М. : Русская книга, 2000. – Т. 1. – 640 с.; Т. 2. – 704 с.
17. *Потебня А. А.* О некоторых символах в славянской народной поэзии // А. А. Потебня. Слово и миф. – М. : Правда, 1989. – С. 285-378.
18. *Рамзевич Н.* Различие синонимов чермный и червлёный / Н. Рамзевич // Филологические записки. – Вып. V–VI. – Воронеж, 1897. – С. 21-24.
19. Русские пословицы и поговорки / под ред. В. Аникина ; предисл. В. Аникина; [сост. Ф. Селиванов, Б. Кирдан, В. Аникин]. – М. : Худож. лит., 1988. – 431 с.
20. Словарь русского языка : [в 4-х т.] / под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 2 : К–О. – 1983. – 736 с.
21. *Суровцова М. А.* Развитие цветового значения слова "красный" / М. А. Суровцова // Русский язык в школе. – 1970. – № 3. – С. 97-100.
22. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : [в 4 т.] / Макс Фасмер; [пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёв]. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс, 1986. – Т. 2. – 1986. – 672 с.
23. Фразеологический словарь русского языка : Свыше 4 000 словарных статей / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров ; под ред. А. И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.
24. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. – М. : ООО "Фирма Издательство АСТ", 2001. – 720 с.
25. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка : [в 2-х т.] / П. Я. Черных. – 7-е изд., стереотип. – М. : Рус. яз., Медиа, 2006. – Т. 1. – 2006. – 621 с.
26. *Шемякин Ф. Н.* К вопросу об отношении слова и наглядного образа (цвет и его названия) / Ф. Н. Шемякин ; [отв. ред. Ф. Н. Шемякин] // Изв. Академии Пед. Наук РСФСР. – Вып. 113 : Мышление и речь – М., 1960. – С. 5-48.
27. *Шерцль В. И.* Названия цветов. Символизм цветов / В. И. Шерцль // Филологические записки. – Вып. II–III. – 1884. – Воронеж. – С. 1-70.

Герасименко І. А. Лінгвокультурна семантика кольоропозначення 'червоний' (на матеріалі російської фразеології та пареміології).

Дана стаття присвячена дослідженню семіотики червоного кольору у російській фразеології та пареміології. У роботі йдеться про те, що носії російської лінгвокультури використовують кольоропозначення 'червоний' у складі фразем та паремій не лише для актуалізації кольору, але і для вираження етнокультурної інформації, що закодована в її семантиці.

Ключеві слова: кольоропозначення, фразеологія, пареміологія, лінгвокультурний, семантика.

Gerasymenko I. A. Linguacultural semantics of the colour term 'red' (on the basis of Russian phraseology).

This present paper is limited to the examination of semantics of adjective red as a part of Russian idioms. It was found out that the representatives of the Russian colour term red not only to actualize the colour, but to express of the lingvocultural information which is coded in it.

Keywords: colour term, phraseology, lingvocultural, semantics.

Жуков Ю. Ю.

Горловский институт иностранных языков

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА 'ЗАКОН' В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Статья посвящена исследованию концепта 'Закон' в русской лингвокультуре. Проводится этимологический анализ имени исследуемого концепта, анализируются примеры модификаций формы и значений имени данного концепта на различных этапах исторического развития языка. Цель работы состоит в определении значимых признаков рассматриваемого концепта в русской лингвокультуре. Материалом исследования выступили лексические и фразеологические единицы, которые являются языковыми репрезентантами данного концепта.

Ключевые слова: лингвокультура, языковая картина мира, концепт, 'закон', языковая репрезентация, фразеологизм.

Постановка научной проблемы и её значение. Современный подход к исследованию культурно-языковой специфики связан с концепцией языковой личности. Связь языка, мышления и культуры непосредственно отражает процесс познания действительности и формирования представлений о ней в социальном опыте того или иного поколения социокультурного образования. Важную роль при этом играют такие когнитивные процессы, как категоризация и концептуализация действительности. Исследование конкретной языковой культуры происходит через толкование понятий, которые составляют ее ядро и отражают способ восприятия и осмысления мира. Разница в национальных картинах мира, которая отображается в индивидуальном восприятии объективной действительности, может объясняться спецификой жизненных условий, образом жизни и национальной культурой данного народа. Такие различия прослеживаются при исследовании лексики и фразеологии, что выражается в наличии устойчивых словесных комплексов, паремий, содержательных различиях эквивалентных лексических единиц в разных языках, своеобразных коннотациях и т. д. Язык, таким образом, выступает в качестве "посредника" между внутренним миром человека, его сознанием и действительностью, которая подлежит познанию.